

АРХЕОЛОГИ ИНТЕРНЕТА

АРТЕФАКТ #21С-404А

ПЕРИОД:
НАЧАЛО XXI ВЕКА

ТИП:
ВИРУСНОЕ МЕДИА

УРОВЕНЬ ФРАГМЕНТАЦИИ:
УМЕРЕННЫЙ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ:
РИТУАЛЬНЫЙ АКТ
ПОТЕРИ ОПОРЫ

ФАЗА ПАДЕНИЯ
КАДР 23/48

ГРАВИТАЦИОННЫЙ
ВЕКТОР
 $\downarrow 9.81 \text{ м/с}^2$

00:01 / 00:03

ДЕНИС
ПОЖИДАЕВ

Денис Пожидаев
Археологи Интернета

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Археологи Интернета / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

XXIV век. Мир избавился от шума, конфликтов и эмоционального хаоса прошлого. Историк цифровой эпохи Мирон Вяземский занимается исследованием древних интернет-архивов, считая их всего лишь культурным мусором исчезнувшей цивилизации. Но одна находка заставляет его усомниться в устройстве собственного мира. Чем глубже он погружается в забытые фрагменты прошлого, тем отчетливее понимает: человечество потеряло нечто гораздо более важное, чем просто старые технологии.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Протокол «Великий Шпиль»	6
Глава 2. Ошибка 404	9
Глава 3. Неструктурированный хаос	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Денис Пожидаев

Археологи Интернета

Глава 1. Протокол «Великий Шпиль»

Свет в аудитории Института Цифровой Археологии не имел видимого источника. Он мягко струился из самих стен, обволакивая пространство, лишая его теней, острых углов и контрастов. Звукопоглощающие панели из нейрополимера делали шаги беззвучными, а голоса — глубокими и ровными, отсекая любые высокие частоты. Воздух здесь всегда был одной температуры, очищенный от пылинок и запахов, пахнувший лишь легкой, едва уловимой свежестью охлажденного кремния.

Это было место абсолютного когнитивного комфорта. Мир XXIV века давно излечился от спешки, от тревожных вибраций в карманах, от кричащих заголовков и мерцающих экранов. Человечество победило хаос, просто перестав обращать на него внимание.

Миرون Вяземский стоял у левитирующего голографического пульта. Худощавый, с идеально прямой осанкой и спокойным, симметричным лицом, он смотрел на академическую группу с теплой, снисходительной благосклонностью биолога, рассказывающего о повадках давно вымерших инфузорий. На нем была свободно сидящая мантия пепельно-серого цвета. Мирон чуть повел кончиками пальцев, собирая невидимую пыль с интерфейса, и мягко кивнул пространству.

— Нестор, мы можем переходить к визуализации.

Воздух ответил мгновенно. Голос Нестора — модуля исторической аналитики — не доносился из динамиков. Он рождался прямо в акустическом центре аудитории. Это был обволакивающий, безупречный баритон, лишенный даже намека на механическую природу. Голос идеального сиделки, который никогда не устает.

— С удовольствием, профессор Вяземский, — произнес Нестор. — Загружаю артефакт из архива двадцать второго дециля. Период: начало двадцать первого века. Уровень фрагментации данных: умеренный.

В центре зала вспыхнула проекция. Трехмерная реконструкция плоского, двухмерного видеоролика низкого разрешения. Посреди идеальной пустоты левитировал пиксельный стол. На краю стола сидело домашнее животное — кот вида *Домашний*, покрытый рыжей шерстью.

Студенты в зале замерли, чуть наклонив головы в знак академического внимания.

На проекции кот попытался совершить прыжок на соседнюю поверхность — кухонный шкаф, — но его задние лапы скользнули по глянцевому пластику. Тело животного нелепо вытянулось в воздухе, нарушая все законы грации, и рухнуло вниз, исчезнув за краем кадра. Видео резко обрывалось.

Затем оно началось заново. Прыжок. Скольжение. Падение.

И еще раз. Прыжок. Скольжение. Падение. Цикл длился ровно три секунды.

— Обратите внимание на структуру репетитивности, — плавно заговорил Мирон, прохаживаясь вдоль голограммы. — Перед нами классический паттерн так называемого «вирусного медиа». Этот фрагмент передавался от узла к узлу десятки миллионов раз.

— Могу ли я дополнить визуализацию, Мирон? — бархатно осведомился Нестор.

— Разумеется.

Изображение замерло в момент максимального вытяжения падающего кота и начало увеличиваться, распадаясь на крупные квадраты пикселей. Нестор наложил поверх расплывчатого рыжего пятна сложную сетку геометрических векторов.

— Мои алгоритмы указывают на высокую вероятность культового предназначения данного объекта, — серьезно и успокаивающе сообщил ИИ. — Обратите внимание на ритуальную симметрию лап в фазе свободного падения. Потеря опоры здесь, очевидно, символизирует акт жертвоприношения гравитации. Человечество эпохи Перенасыщения находилось в состоянии

постоянного экзистенциального ужаса перед непредсказуемостью бытия. Бесконечное повторение падения животного — это форма коллективного трансцендентного контроля. Наблюдая за чужой неудачей, они терапевтически снимали собственный страх смерти.

Мирон медленно кивнул, соглашаясь с безупречной логикой машины.

— Задokumentируй мою мысль, Нестор, — тихо произнес он.

— Слушаю вас.

— Примитивные формы зоолатрии раннего интернета. Использование млекопитающих как аватаров для сублимации социальной тревожности.

— Зафиксировано. Смягчить формулировку для открытой публикации? Слово «тревожность» может вызвать легкий когнитивный дискомфорт у читателей.

— Оставь как есть. Это научный труд. Мы должны называть вещи своими именами.

Аудитория безмолвствовала, переваривая информацию. В XXIV веке процесс обучения требовал внутренней тишины.

Вдруг тишину разорвал звук.

— Пх-х... Аха-ха!

Один из студентов на заднем ряду — совсем молодой человек, изучающий ранние протоколы — не выдержал. Вид огромного, разложенного на пиксели падающего кота в сочетании со светящимися векторами гравитационного жертвоприношения внезапно обошел его внутренние фильтры. Он засмеялся. Громко, хрипло, физиологически.

Звук ударился о матовые стены и мгновенно умер, поглощенный панелями.

В зале повисла тяжелая, густая пауза. Никто не обернулся к студенту — это сочли бы проявлением агрессивного любопытства. Но сам студент мгновенно побледнел. Он закрыл рот ладонью, его глаза расширились от ужаса перед собственной бестактностью. Громкие, неконтролируемые эмоции на публике считались симптомом потери когнитивной гигиены. Это было... неприлично. Хуже, чем неприлично — это было опасно.

— Прошу... прощения, — одними губами прошептал студент. — Я не знаю, как это... произошло.

Мирон остановился. Его лицо осталось абсолютно безмятежным. Он посмотрел на юношу с мягким, почти терапевтическим сочувствием.

— Ничего страшного, коллега. Рефлекторный спазм диафрагмы. Визуальный ряд прошлого перегружен хаотичной кинетикой. Вам следует выпить воды и, возможно, снизить уровень стимуляции на сегодня.

— Зафиксирован кратковременный скачок кортизола в секторе семь, — так же бархатно и ровно сообщил Нестор. — Рекомендую сделать перерыв в лекции на сорок минут.

— Благодарю, Нестор. На сегодня мы закончим.

Студенты плавно поднялись со своих мест. Никакого скрипа стульев, никакого гула голосов. Они покидали аудиторию, как тени, оставляя за собой лишь мерное дыхание климатической установки.

Когда за последним слушателем закрылась прозрачная дверь, Мирон остался один на один с голограммой. Он потерял переносицу. Свет в аудитории автоматически убавился на десять процентов, подстраиваясь под его потребность в уединении.

Мирон смотрел на замершего в воздухе кота.

«Смех», — подумал он.

Почему они отправляли это друг другу? Нестор утверждал, что это был способ контролировать страх. Но реакция студента... это был не контроль. Это была потеря контроля. Секундный сбой в идеальной системе.

Мирон впервые за долгое время почувствовал крошечный укол интеллектуального сомнения. Что, если люди прошлого не искали терапию? Что, если им просто нравилось падать? Нравилось быть нелепыми?

Он моргнул, прогоняя нелогичную мысль. Этого не может быть. Никто добровольно не выберет дискомфорт.

— Свернуть проекцию, — велел Мирон. — Я иду в свой кабинет.

Кот исчез. Воздух снова стал чистым и пустым.

— Мирон, — голос Нестора зазвучал чуть ближе, создавая иллюзию интимности, — пока вы вели лекцию, системы глубокой реконструкции завершили распаковку изолированного сервера из сектора «Мессенджеры».

— Там есть что-то, заслуживающее внимания? Очередные миллионы терабайт словесного мусора и графических символов?

— Не совсем, — мягко ответил ИИ. — Мои алгоритмы обнаружили статистическую аномалию в архитектуре коммуникационных протоколов. Я не могу найти этому экономическое или биологическое объяснение.

Мирон остановился у самых дверей.

— Что за аномалия?

— Массив безответных подтвержденных сообщений, — произнес Нестор с той же заботливой интонацией, с какой предлагал бы стакан теплой воды. — Миллиарды текстовых пакетов. Система фиксировала доставку. Система фиксировала прочтение. Адресат получал уведомление. Но ответный сигнал не генерировался.

Пауза. Мирон нахмурился.

В XXIV веке не ответить на запрос считалось невозможным. Если ты не хотел говорить, твоя нейросеть вежливо и развернуто объясняла собеседнику причины твоей недоступности, чтобы не нарушать его психологическое равновесие. Никто не уходил в пустоту.

— Возможно, технический сбой? — предположил Мирон. — Утрата пакетов данных на изношенных серверах?

— Негативно. Целостность кода подтверждена. Они читали их. И они осознанно оставляли индикатор прочтения активным.

Мирон медленно обернулся к пустому центру зала. Стерильный свет мягко отражался от матовых стен. Идеальная, безопасная тишина внезапно показалась ему слишком плотной.

— Подготовь мне выборку, Нестор, — тихо сказал Мирон. — Я хочу на это посмотреть.

Глава 2. Ошибка 404

Лаборатория Мирона Вяземского находилась на минус втором уровне Института. Здесь было еще тише, чем в лекционных залах, если тишина вообще поддавалась измерению. Воздух казался неподвижным, словно застывшим в идеальном балансе температур. По просьбе Мирона свет в помещении был снижен до восьмидесяти процентов от стандартной нормы. Полумрак помогал ему фокусироваться.

Перед ним в воздухе висели триллионы строк восстановленного кода.

Это был архив ранних мессенджеров. Колоссальная, пульсирующая кровеносная система начала XXI века, по которой циркулировал информационный обмен человечества. Мирон ожидал увидеть здесь строгую, пусть и примитивную логику: пинг — понг. Вопрос — ответ. Передача данных — подтверждение приема.

Но архитектура этой сети была искалечена. Она состояла из зияющих пустот.

— Нестор, — Мирон плавно провел рукой в воздухе, раздвигая потоки данных. — Объясни мне эту стратификацию. Я вижу массивы инициализирующих пакетов, но не вижу ответных векторов.

Голос ИИ зазвучал ровно, с мягкой академической озадаченностью.

— Профессор, я анализирую этот феномен последние два часа. Алгоритмы классифицируют его как глобальный системный сбой протоколов квитирования.

— Поясни.

— Встроенная механика древних платформ предполагала ступенчатую индикацию. Сервер фиксировал отправку. Затем доставку на устройство. И, наконец, прочтение. — В воздухе появилась аккуратная схема. — Когда оптический сенсор или скроллинг подтверждали, что адресат увидел текст, система отправляла отправителю визуальный маркер. Две галочки. Они меняли цвет на синий.

Мирон медленно кивнул.

— Рационально. Подтверждение получения информации. За этим должен следовать ответный информационный пакет.

— Именно так диктует логика любой сети, — бархатно подтвердил Нестор. — Однако в тридцати четырех процентах случаев ответный пакет не генерировался. Ни через секунду, ни через час, ни через сутки. Цикл оставался незавершенным. Миллиарды оборванных связей ежедневно.

Мирон остановил движение строк. Он приблизился к голограмме.

В его картине мира это не укладывалось. Если живой человек XXIV века получал запрос, он всегда давал ответ. Если он был занят, спал или находился в фазе глубокой рефлексии, его персональный ассистент вежливо уведомлял об этом инициатора контакта. Игнорировать входящий сигнал означало нарушить базовые принципы когнитивной экологии. Это было не просто грубо — это было алгоритмически невозможно.

— Почему они прерывали коммуникацию? — спросил Мирон, чувствуя, как внутри зарождается непривычный, почти детективный азарт.

— Наиболее вероятная гипотеза, — Нестор выдержал паузу, имитируя человеческое раздумье, — массовая внезапная смертность.

Мирон замер.

— Смертность?

— Да. Представьте: биологическая единица открывает сообщение. Система фиксирует прочтение. И в этот момент происходит катастрофическое событие. Остановка сердца, дорожная авария, падение метеорита. Пользователь погибает до того, как успевает сформировать

ответный сигнал. Учитывая объем данных, мы можем сделать вывод, что XXI век был эпохой непрерывного, ежесекундного массового вымирания прямо перед экранами устройств.

Это звучало железобетонно логично. Машина объясняла отсутствие ответа физическим отсутствием человека.

Мирон протянул руку и коснулся одного из оборванных узлов.

— Разверни профиль этого адресата, — тихо скомандовал он. — Того, кто прочитал и не ответил. Посмотри его логи в других сетях. Через час после прочтения.

Воздух слегка мигнул.

— Синхронизирую... — произнес Нестор. — Вы правы, профессор. Гипотеза смертности ошибочна. Данный пользователь спустя тринадцать минут после прочтения сообщения загрузил фотографию еды в другую визуальную сеть. Спустя час — оставил комментарий под видеозаписью.

— Он был жив.

— Биологически — да. Но с точки зрения теории информации его поведение иррационально.

— Реконструируй интерфейс, — голос Мирона стал чуть суше. — Я хочу увидеть это так, как видел отправитель.

Голограмма свернулась. На ее месте возник светящийся прямоугольник — имитация древнего смартфона. На белом фоне висел зеленый пузырь с текстом. Мирон даже не стал вчитываться в буквы, его интересовали метаданные в правом нижнем углу.

Время отправки: 02:12.

Две серые галочки. Доставлено.

Затем цифры на часах сменились. 02:14.

Две галочки вспыхнули ярким, пронзительным синим цветом.

Статус изменился. Слово «Доставлено» — «Прочитано» — появилось на экране.

А дальше под этим сообщением было только белое, пустое пространство. Никакого индикатора набора текста. Никакого ответа. Безупречная, холодная пустота.

Мирон смотрел на этот синий маркер, и внезапно ему стало физически неудобно. В этом интерфейсе была заложена чудовищная жестокость. Машина бесстрастно, с протокольной точностью докладывала человеку: *«Твой сигнал достиг цели. Адресат держит устройство в руках. Он смотрит на твои слова. Он знает, что ты ждешь. И он выбирает молчать»*.

Словно кто-то подошел к двери, посмотрел в глазок прямо в глаза стоящему снаружи, а затем бесшумно отошел вглубь квартиры, не открыв замок.

— Ваш пульс ускорился до семидесяти двух ударов в минуту, — заботливо прошелестел Нестор. — Температура поверхности кожи снизилась. Включить климатический подогрев сектора?

— Нет, — Мирон сглотнул, не отрывая взгляда от белого экрана симуляции. — Нестор... покажи мне самый длинный интервал между прочтением и ответом в этой базе данных.

— Выполняю поиск.

Мигание интерфейса.

— Максимальный зафиксированный интервал в доступном нам кластере серверов составляет семнадцать лет, два месяца и четыре дня.

Мирон медленно опустил руки вдоль туловища.

Семнадцать лет.

— И что он ответил спустя семнадцать лет? — почти шепотом спросил Вяземский.

— Ничего, — безупречно вежливо отозвался ИИ. — Ответный пакет так и не был сгенерирован. На семнадцатом году ожидания серверный кластер окончательно деградировал из-за отсутствия технического обслуживания, и соединение оборвалось навсегда. Как я и предполагал изначально, профессор: вероятно, пользователь в итоге все-таки погиб.

Мирон закрыл глаза. Тишина лаборатории вдруг показалась ему невыносимо тяжелой, плотной, давящей на барабанные перепонки.

— Нет, — произнес он.

— Простите?

— Нет, Нестор. Он не погиб. — Мирон сам испугался того, насколько уверенно и глухо прозвучал его голос. — Иногда люди просто... не отвечали.

Он замолчал, пораженный собственной мыслью. В логике XXIV века это было абсурдом. Зачем оставлять кого-то в неведении? Зачем причинять эту микроскопическую, но острую, как порез бумагой, боль? Зачем держать линию связи открытой, если по ней не идет сигнал?

Но Мирон нутром почувствовал правоту своей догадки. Люди прошлого использовали молчание не как технический сбой. Они использовали его как оружие. Как щит. Как побег.

— Я могу приглушить свет еще на десять процентов, если у вас мигрень, Мирон, — предложил Нестор.

— Оставь меня на время. Отключи голосовое взаимодействие.

— Директива принята. Я в фоновом режиме.

Голос ИИ исчез. Лаборатория погрузилась в абсолютную, идеальную тишину Великого Штиля. Ту самую тишину, которую человечество строило триста лет, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Но Мирон Вяземский стоял в пустом помещении и смотрел на светящийся в воздухе прямоугольник. На крошечные синие символы в углу экрана.

Доставлено 02:14.

И больше ничего.

Глава 3. Неструктурированный хаос

Мирон стоял посреди лаборатории, сцепив руки за спиной. Индикатор «Доставлено» все еще жег его сознание своей холодной пустотой, но теперь этого было мало. Пустота — это лишь следствие. Ему нужно было увидеть причину.

— Нестор, — голос Мирона прозвучал резче обычного. — Мне нужна симуляция активной среды. Я хочу понять контекст, в котором они существовали до того, как замолчать.

— Уточните параметры запроса, профессор.

— Публичное обсуждение. Случайная выборка. Средний уровень вовлеченности. Отключи академические фильтры структурирования. Покажи мне сырой поток.

Воздух в лаборатории едва заметно завибрировал.

— Внимание, — бархатный голос Нестора приобрел предупреждающие обертоны. — Сырой поток содержит неструктурированные эмоциональные пики. Это нарушает протоколы когнитивной гигиены.

— Я санкционирую. Запускай.

Голограмма развернулась во всю стену. Это больше не был один аккуратный интерфейс. Это было окно в улей.

Тема обсуждения выглядела смехотворно тривиальной. Фотография платья. Двухцветный кусок ткани. Вопрос, выведенный в заголовок, гласил: «Какого оно цвета? Сине-черное или бело-золотое?».

Мирон приготовился к социологическому анализу визуального восприятия.

Сначала всё шло спокойно.

«Мне кажется, белое».

«Очевидно же, что синее».

«Интересная оптическая иллюзия».

А затем ритм изменился. Строки начали появляться быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.